

насыщена терминологией, но при этом не требует углубленных специальных знаний и будет интересна широкому кругу читателей. Актуальность проблем и уровень их обсуждения представляют собой плодородное поле для междисциплинарного диалога, который можно было бы реализовать в формате конференций или учебных курсов.

П.Н. Барышников

Барышников Павел Николаевич – Пятигорский государственный университет, Пятигорск, 357532, пр. Калинина, д. 9.

РАШКОВСКИЙ Е.Б. Гуманитарная глобалистика: из трудов последних десятилетий. М.: Издатель Воровьев А.В., 2022. 240 с.

В мировой науке к концу первой четверти XXI в. сложилась сильная и многогранная область знания, известная как глобалистика, или глобальные исследования. И нет сейчас недостатка в серьезных трудах, освещающих глобальные экономические и политические процессы, трансформацию демографической структуры планеты и проблемы социального развития, цивилизационные процессы и общественные потрясения в контексте глобализации. Однако далеко не каждому исследователю – будь то экономист, политолог или социолог – удастся хотя бы коснуться человеческого измерения глобализации, которое так легко скрывается за масштабными, основанными на «больших данных» (Big Data) обобщениями. По всей видимости, сказывается специфика методологий конкретных наук – макроэкономики, макросоциологии, политологии и наук о международных отношениях, хотя и интересующихся поведением людей и крупных их сообществ, но не учитывающих внутренние измерения феномена человека. Между тем именно в постижении этого феномена нередко кроется объяснение успехов и издержек, взлета и провала целого ряда глобальных процессов. Это хорошо понимал в конце XX в. выдающийся экономист, нобелевский лауреат (1998) и социальный мыслитель индийского происхождения Амартья Сен, предложивший рассматривать разные измерения глобальных процессов с позиций свободы как фундаментальной ценности и сердцевины человеческой жизни, проецирующейся во все сферы глобальной социальности.

При этом сказать, что человеческое измерение глобальных процессов не изучается, вряд ли можно; скорее, это знание рассеяно по страницам зарубежных и отечественных изданий и буквально взывает о том, чтобы быть собранным, упорядоченным, углубленным и, наконец, быть названным – ведь каждая область знания начинается с появления термина.

Доктор философских наук, доцент, профессор кафедры исторических социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета.
pnbaryshnikov@pgu.ru

Baryshnikov Pavel N. – Pyatigorsk State University, 9, Kalinin av., Pyatigorsk, 357532, Russian Federation.

DSc in Philosophy, assistant professor, professor of the Department of Historical Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology, Pyatigorsk State University.

DOI: 10.21146/0042-8744-2023-7-214-218

«Гуманитарная глобалистика» – так историк-востоковед, философ Е.Б. Рашковский предлагает назвать эту ветвь глобальных исследований в своей новой книге. Если глобалистика как таковая «посвящает себя постижению целостности (integrity) всемирной истории – в относительном единстве ее связей, ее прошлых, настоящих и, по возможности, будущих путей» (с. 6), то, по мысли автора, вводимое им понятие гуманитарной глобалистики «подсказано необходимостью осмыслить современную глобально-историческую ситуацию прежде всего в человеческом ее измерении. Или – философски говоря – в модусе *человечности*» (Там же).

Книга представляет собой собрание научных работ – главным образом статей, вышедших в журнале «Мировая экономика и международные отношения» и других изданиях. Каждая из них является самостоятельным произведением; объединены они общей целью обоснования предмета гуманитарной глобалистики. Довольно нетривиальный ход: объявить все статьи трудами, работающими на создание новой научной области, но не связать их в некую систему, педантично направляющую читателя к открытию этой новой области, и не распределить их по разделам. Однако книга Е.Б. Рашковского явно не рассчитана на читателя, ждущего готовых истин и внимающего автору как транслятору упорядоченного знания. Совсем наоборот: она – для читателя, готового включиться в сложную работу *понимания* глобальных *человеческих* процессов вместе с автором, абсолютно чуждым позиции поучения.

Итак, человеческое содержание современной глобальной реальности автор обозначает в качестве сущного и фундаментального объекта гуманитарной глобалистики и вовлекает читателя в процесс выработки ее методологии, примыкающей к современной постнеклассической методологии гуманитарных наук, но все-таки остающейся философской по сути. Осно-

ванием ее ученый называет комплекс идей, разработанных в наследии В.С. Соловьева, М. Шелера, о. Пьера Тейяра де Шардена, В.И. Вернадского и школы популяционных генетиков, а также востоковедов В.М. Алексеева, Н.И. Конрада, Н.А. Симония; все они так или иначе акцентируют «роль межчеловеческих взаимодействий поверх социальных, этнических или религиозных барьеров» (с. 7). Отсюда ключевая интенция методологии Е.Б. Рашковского: во всех процессах современности, во всех сферах мировой жизни видеть человеческое, а именно дух и мысль, пронизывающие человеческое бытие в пространстве цивилизаций и времени всемирной истории. Способствуют этому, с одной стороны, общая позиция религиозного персонализма (с. 201), о которой ученый неоднократно говорил в своих трудах как наиболее для него приемлемой (в т.ч. и как противовес социотризмизму), с другой же – многочисленные религиозно-научные исследования автора. Столь же важными в человеческом бытии видятся ему и психологические компоненты, являющие себя в межличностной и иных видах коммуникации человека с другими людьми (с. 96–97).

Разработанный в книге подход гуманитарной глобалистики основывается на философском видении реальности с позиции категории «человеческих смыслов», «связанных с опытом рождения, любви, заботы, познания, “доброй работы” (термин Тадеуша Котарбиньского), раскаяния, страдания и сострадания, творчества, смерти, веры, “эстафетности” культуры и самого Бытия. Бытия во всей неотъемлемой боли его внутренних противоречий» (с. 189). Категория эта определена через понятие «ценностных интуиций», или ориентиров, вырастающих «из биогенетической памяти, из коллективного и индивидуального культурного опыта людей» (с. 192), то есть смысл отождествлен с ценностью, хотя в первом всегда остается нечто метафизическое, недосказанное и неисчерпанное до конца, а ценность обычно артикулирована и объективирована в социальности и культуре (с. 196). Важно, что это смыслы универсальные, пронизывающие историю и бытие всех цивилизаций, стран и народов, практически синонимичные человечности (с. 200) и уже потому неотменимые. Через всю книгу проходит мысль о первенстве универсально-человеческого в бытии, ценностно-смысловом наполнении истории и современности, о доступности его познанию – в противовес постмодернистским попыткам отказаться от этой идеи и идеологиям реставрации архаики, возвеличивающим «неповторимость» и «уникальность» любой культуры.

Е.Б. Рашковский отстаивает положение о сложной и многомерной соотнесенности родового единства человечества и связанных с ним онтологических ценностей с существующим

культурным и цивилизационным разнообразием их преломления в мысли и жизни разных стран и народов (с. 198–199). Общим методом представляется историческое, а не структурное рассмотрение глобальных процессов как динамики человеческих смыслов, то есть эволюции их воплощения в социальных, культурных, религиозных и творческих устремлениях и начинаниях людей. Отсюда – столь серьезная проработка категории развития как «одной из главных универсалий человеческой жизни» (с. 92) и одновременно теоретической предпосылки новой области знания. Е.Б. Рашковский решительно смещает ее содержание в область духовно-творческую, о которой лишь в третьую очередь вспоминали сторонники ее экономической и политической трактовки. Он отмечает: «За понятием развития стоит и потребность людей в некоторой стратегии понимания и осуществления своего присутствия в мире и своего взаимодействия с другими людьми» (с. 97). Такое понимание позволяет анализировать развитие цивилизаций как «духовные эстафеты сквозь века», как процесс духовного творчества (и, разумеется, противодействия ему со стороны религиозных и светских институций традиционных и современных обществ), как со-развитие в глобальном мире многообразных, непохожих, но соотнесенных друг с другом народов и культурных миров – в диалоге и творческом взаимодействии, позволяющем, помимо прочего, объединенными усилиями противостоять конвульсивным накатам архаики, религиозной и светской реакции в политике и реставрации антирыночных структур. При этом со-развитие подтверждает и обеспечивает *многомерность* развития (с. 109). Процессы его «сопровождаются структурными преобразованиями, переоценками ценностей, перекосями, перестройками, а подчас и революционными ломками», что предполагает их трудность и непредсказуемость (с. 119).

В книге много и других ценных методологических наблюдений, принципов и нестандартных дефиниций значимых понятий гуманитарной глобалистики, однако пусть сами читатели включатся в эту работу выявления и разработки методологии постижения глобальных человеческих процессов развития. Здесь же отмечу, что сугубо теоретических статей в книге две: «Что же такое развитие? (Заметки историка)» и «Смыслы как при-знание». Структура книги выстроена как динамическая последовательность тем, открывающих разные векторы проблемного поля новой области знания. Повторюсь, что статьи могли бы быть распределены в тематические разделы, внимательный взгляд их увидит в содержании: (1) интеллектуальное измерение глобализационных процессов; (2) цивилизационную теорию в глобальном научном контексте и ее возможности в анализе социокультурных процессов в разных ареалах; и (3) измерения

глобального мира. Несколько особняком стоит анализ феномена жестокости в современном мире и методологический очерк о смыслах; но такая воля автора.

Книга начинается с довольно неожиданной темы – «Библиотека и “электронная революция”: к осмыслению социокультурного кризиса начала XXI столетия». Е.Б. Рашковский говорит о необходимости разработки *философии современной библиотеки*, «принимаящей в расчет важнейшие технологические, социальные и духовные характеристики нынешнего мира», – и через эту тему выходит на проблему глобального масштаба, которую парадоксально не замечают в этом качестве: социокультурного, психологического и когнитивного отчуждения человека от культуры эпохи Модерна, воплощенной в книге-кодексе, а с нею – и от других живых людей. В условиях постмодерновой электронной революции слово (а с ним и смысл) стали вытеснять образы, а с реальностью социальной стала конкурировать виртуальная. В этих условиях библиотека как очаг «собираения распадающегося человека, общества, государства» через интеллектуально-духовное общение людей может, по мысли автора, быть мощным средством преодоления этого отчуждения и нашего неоварварства (с. 17–19).

Другая тема первого раздела книги – «Бюрократия и интеллигенция: к пониманию внутренних противоречий современного общества». Здесь теоретико-социологические описаны взаимоотношения двух социальных слоев как феномен борьбы классов – соответственно «распределителя общественного богатства» и класса, производящего и воспроизводящего общественное богатство, в котором самое главное – человеческий капитал (с. 28). Необходимость обоих и их непримиримость автор полагает взаимосоотнесенными в современных условиях.

Содержательно независимой, но в то же время открывающей особый вектор глобалистики мне видится работа «Жестокость в сегодняшнем мире: социокультурные измерения». Е.Б. Рашковский размышляет о склонности причинять боль и страдание другим живым существам как феномене именно человеческого, выходящем за пределы биологической и экологической необходимости, предполагающем сознание ответственности – вместе с атрофией чувства сострадания. Более того: человечество институционализировало жестокость, когда создало структуры ее причинения и поощрения в ходе истории, тем самым признавая ее в качестве нормы. Только норма ли это для современного глобализирующегося мира, выработавшего в опыте насилия, войны, наказаний и дискриминации представление об аномальности жестокости и одновременно страдающего от ее беспрецедентных накатов? Ученый задается вопросами о причинах, объясняющих вспышки массовой

жестокости на всех уровнях – от относительно небольших сообществ до целых стран и регионов. С одной стороны, он видит разгул жестокости в мире как побочный эффект «цифровой революции», распространяющей новыми техническими средствами разнообразные античеловеческие идеологии и одновременно вырабатывающей привычку лицемерить многоликое насилие современности и уничтожать виртуальных людей и объекты в видеоиграх (с. 42). С другой стороны, Е.Б. Рашковский, верный избранному персоналогическому подходу к реальности, предлагает присмотреться к жестокости на уровне межчеловеческого общения – от семейного насилия до разных форм повседневной сверхэксплуатации и моральной травмы: рост и всплески жестокости во многом коренятся в дегуманизации и утрате способности видеть другого человека на микроуровне.

Значимое место в книге занимают статьи о цивилизационной парадигме и ее практическом приложении. Анализ дискуссий в российской науке представлен в двух работах под рубрикой «Цивилизационная теория: познание мира и познание современности», в которых Е.Б. Рашковский объясняет, что, во-первых, данная парадигма – ценный методологический инструмент, задающий разные варианты «символического описания» (П.А. Флоренский) реального исторического и современного существования сообществ, называемых цивилизациями, но не тождественный им онтологически (с. 63–64), – а ведь об этом часто забывают, гипостазировав понятие «цивилизации». Во-вторых, человеческие феномены и смыслы в цивилизационной теории продолжают оставаться на периферии, то есть недооцененными, а с ними – и проблематика свободы. Поэтому особенно значимой и пробуждающей научную мысль мне видится разработка понятия «человеческого феномена», в котором сошлись три условных пласта, или мира – социотехники, цивилизации и духовности; культура же является языком соотнесения человека с человеком, с природой и со Святой, доступным прочтению в качестве особого текста (с. 63–72). Столь же необходимо и осмысление ценности цивилизационной теории для понимания глобального мира: она помогает интерпретировать современность как цивилизационно-культурную драму, вызванную глобализацией: «интенсивность нынешних культурных связей и информационных технологий обеспечивает универсализацию и доступность» культурных богатств, рожденных цивилизациями, но приходит в противоречие с процессами архаизации массового сознания, неспособного эти богатства освоить и из-за этого готового к упрощению реальности, что чревато жестокими потрясениями (с. 85–87). Углубление этой теоретической разработки через рассмотрение ее религиозного уровня читатели найдут в статьях

«Религиозная динамика в эпоху глобализации» и «Религиозная динамика эпохи постмодерна: Латинская Америка и Россия».

Особо отмечу текст о «постколониальном» дискурсе, написанный под впечатлением новой коллективной монографии об Африке. Солидарный с критикой «ориентализма» Э.В. Саида в книгах и статьях отечественного востоковеда Л.Б. Алаева, Е.Б. Рашковский предлагает увидеть в европейском востоковедении особое стремление понять «правомерность цивилизационного своеобразия иных народов и регионов» как *продолжение* подхода с собственной позиции «*цивилизации рациональных знаний*» – в сопоставлении с нею. Следующий логически из «ориентализма» по Саиду «постколониальный дискурс» оказывается, по словам автора книги, проблематикой «вечных и перманентных обид и мстительности через вереницы поколений» (с. 187), то есть страстным поиском «ущерба» народам и культурам, эмоциональным рассказом о страданиях колоний (с тщательным избеганием рассмотрения любых достижений этого периода) и заведомой злонамеренности колонизаторов, на десятилетия обусловивших отставание освободившихся от колониальной зависимости народов. И эта тема ущерба поднимается не только в отношении африканских народов, но и многих других незападных народов и стран. Между тем, как справедливо отметил автор рецензируемой книги, неизученной и неосознанной в глобальном масштабе продолжают оставаться *проблема рабства* в его разных формах или креативная роль африканских народов в современной культуре... Но постколониальный дискурс в чем-то может быть полезен – главным образом в постановке «сложнейших вопросов современных цивилизационных исследований» (с. 184–187).

Книгу завершают две работы, созданные в соавторстве с молодыми учеными. В русле описанной выше методологии в них исследуются тенденции глобального общежития, не столь часто попадающие в поле зрения глобалистов.

В первой статье (в соавторстве с Б.Е. Рашковским) феномен массовой диаспоризации рассмотрен в качестве сочетания тенденций становления новых «диаспоризованных» обществ, вытесняющих прежние обособленные «исторические» цивилизации, с перенесением в страны Запада и Славянского ареала традиционных и полутрадиционных институтов и практик. Авторы убеждены, что современное Великое переселение народов воздвигает перед миром императивы взаимного приспособления, нахождения новых моделей мышления

и гражданского диалога, а также взвешенных политических решений.

Статья «Институты культуры в общественной и духовной динамике нашего времени» (в соавторстве с К.А. Рашковской) описывает структуры поддержания, трансляции и развития человеческих смыслов, опирающихся на глубокие пласты памяти личной, семейной, групповой, локальной, национальной, общечеловеческой (с. 227). Трудно не согласиться с мыслью авторов о том, что вовлечение институтов культуры в современное электронно-коммуникационное пространство парадоксально способствует развитию солидарности и взаимопомощи в противовес отчуждению и разъединению, в которых повинна та же самая виртуальная реальность.

Новая книга Е.Б. Рашковского открывает проблемное поле гуманитарной глобалистики, включая в нее человеческое содержание интеллектуальной, культурной, технологической, коммуникативной, социально-демографической и экономической глобализации, роль феноменов свободы, творчества и духовной жизни в становлении глобальной человеческой реальности и в ее противостоянии люмпенизации и духовной деградации крупных человеческих сообществ, а также проблемы, связанные с натиском традиционализма, фундаментализма и архаизации на современное мировое сообщество. Подход с позиции человеческих смыслов, незримо присутствующих во всех глобальных событиях и процессах, поможет не только становлению новой области научного знания, но и гуманизации глобалистики как таковой. Более того, этот подход может способствовать поддержанию, а точнее, возрождению гуманизма в мысли, науке, культуре и жизни, в котором так нуждается человечество первой половины XXI в.

Т.Г. Скороходова

Скороходова Татьяна Григорьевна – Пензенский государственный университет, Пенза, 440026, ул. Красная, д. 40.

Доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор. Кафедра «Теория и практика социальной работы» Пензенского государственного университета.

skorokhod71@mail.ru

Skorokhodova Tatiana G. – Penza State University, 40, Krasnaya str., Penza, 440026, Russian Federation.

DSc in Philosophy, CSc in History, Professor, Department “Theory and Practice of Social Work”, Penza State University.

DOI: 10.21146/0042-8744-2023-7-218-221